

А. П. КОЦЮБИНСКИЙ, Д. А. КОЦЮБИНСКИЙ

Григорий Ефимович Распутин: психологический портрет¹

Количество домыслов и мифических подробностей, присутствующих в большинстве работ, посвященных Распутину, ошеломляет. При этом одни авторы усматривают в Распутине зловещий символ политического разложения Российской империи [1, 10, 12], другие — святого «старца-мученика» [5], третьи — чудотворца-экстрасенса [6, 18, 19, 30], четвертые — неистового сексуального вепря [7, 9, 24]. В то же время без должного внимания осталось то, что непосредственно обуславливает поведение человека, — его характер. Кстати, прекрасные психологические портреты других исторических личностей дал А. Е. Личко [14–17].

О детстве и отрочестве Григория Ефимовича Распутина известно немного. Душевнобольных в семье Распутина, судя по всему, не имелось. Отец злоупотреблял алкоголем. Старший брат Михаил умер в детском возрасте. Других детей в семье не было. Оказавшись единственным «светом в окошке», Григорий довольно быстро усвоил не вполне патриархальный тип взаимоотношений с родителями. В итоге постоянно обиженный отец то и дело бранил сына и насмехался над его многочисленными «причудами», а сын, в свою очередь, чуть что — охаживал папашу кулаками, даже выдрав у него однажды в пьяном виде клочок бороды [26].

Личностное становление Распутина происходило на фоне последствий родовой травмы. По свидетельству матери [34], Григорий, в отличие от брата, «отказывался мириться со сковывающими движения пеленками», до 2,5 лет не говорил (правда, потом довольно быстро набрал словарный запас).

¹ Печатается по: Обозрение психиатрии и медицинской психологии им. В. М. Бехтерева. 1995. № 1. С. 102–111.

Позднее, как отмечал он сам, вплоть до зрелых лет «со мной ночами бывало, как с маленьким, мочился в постели» [25, с. 9]. От этого расстройства Распутин избавился лишь после того, как стал путешествовать по «святым местам». В детстве отмечались проявления эмоциональной неустойчивости. «Его поведение, — пишет дочь Распутина Матрена [34, с. 14], — измучило мою бабушку... Никогда нельзя было знать, что от него следует ожидать. Он мог то бродить по лесу среди гигантских лиственниц и берез... избегая всякого общения и упиваясь своим горем (гибелью старшего брата. — *Авт.*). А затем стать настоящей чумой для дома, носясь у матери под ногами и громко крича, так что ей казалось, что она сходит с ума». В молодости у Распутина отмечалась упорная весенняя бессонница [25, с. 9]. Известно также, что Распутин обладал на удивление плохой памятью, трудно сосредоточивался на чем-либо, вел себя крайне суетливо, перескакивал с темы на тему, был чрезвычайно непоседлив, нервозен, не расположен к систематическому труду [2, 9, 30, 33]. Вызвавшийся было подготовить Распутина к священническому сану монах Илиодор — близкий приятель «старца», ставший впоследствии его злейшим врагом, в скором времени вынужден был в отчаянии констатировать: «Ведь он — настоящий челдон, ничего не усваивает, так, какой-то обрубок!» [9, с. 53]. Распутин очень плохо и медленно читал, писал коряво и без всякого соблюдения правил орфографии и синтаксиса, цифры знал только до ста, а дальше говорил так: «две сотки рублей, три сотки», потом у него шли «тыщи», которыми он жонглировал уже совершенно произвольно [33].

В то же время современников поражало «серьезное знакомство Распутина со Священным Писанием и богословскими вопросами» [13, с. 167], а также его умение свободно толковать Библию и «вдаваться в дебри церковной схоластики и казуистики» [8, 29]. Недюжинный ум Распутина отмечали практически все — и друзья, и враги. По свидетельству шефа жандармов Курлова, Распутин обладал «практическим пониманием текущих событий даже государственного характера» [13, с. 169].

Таким образом, можно констатировать, что наличие родовой травмы не привело к формированию у Григория Распутина признаков органической психопатии, для которой характерно огрубление и примитивизация психических качеств личности. В то же время имеющиеся характерологические особенности Распутина вполне соответствуют известным критериям Ганнушкина-Кербикова (1962). Конкретные проявления этих особенностей (желание «казаться», а не «быть», демонстративность и «актерство», эгоцентричность, капризность,

стремление находиться в центре внимания окружающих и т. д.) позволяют говорить об истероидной психопатии.

В литературе до последнего времени является предметом дискуссий проблема соотношения внутренних и внешних, то есть врожденных и социально обусловленных предпосылок возникновения психопатии. Анализ личности Григория Распутина позволяет увидеть, что в ряде случаев патогенез психопатии обуславливается сложным сочетанием внутренних предпосылок и внешних условий, взаимовлияющих друг на друга и раскручивающихся как бы по спирали. В частности, последствия родовой травмы (плохая память, чрезмерная невротичность и т. д.) и связанный с нею (в частности, с затяжным энурезом) комплекс душевных переживаний способствовали формированию у Распутина деформированной личности, но эти же обстоятельства обуславливали щадящее отношение родителей к ребенку (что усиливалось статусом единственного в семье) и, в свою очередь, приводили Распутина к осознанию себя как «особого».

Большинство форм психопатий, как известно, обычно проявляются в полной мере с началом подросткового возраста. Именно с 15–16 лет Григорий Распутин навсегда перестает быть «таким, как все», поочередно примеряя на себя все более замысловатые и шикарные костюмы социального эксцентрика: деревенский пьяница-дебошир; просветленный странник-богомолец; «божий человек» при императоре; наконец, всемогущий и полубезумный временщик.

Яркая истероидность Распутина отражалась в его стремлении постоянно быть в центре внимания, сосредоточивать на себе восхищенные взоры всех без исключения окружающих, чтобы заставить их вращаться вокруг солнцеподобного «старца» и светить его отраженным светом. Около него постоянно находилось сразу несколько без памяти влюбленных в него почитательниц [6, 8, 33]. Распутин не мог чувствовать себя нормально, если он не был ежесекундно окружен чьим-нибудь вниманием, переходящим в восхищение или обожание. Когда Распутин оказывался вне сфокусированного на нем внимания, он явно чувствовал себя «не в своей тарелке» [9, 11, 29]. Если же, несмотря на все его усилия, Распутина не желали замечать, он терял всякое душевное равновесие. Так, однажды в подобной ситуации Распутин «страшно заволновался, заерзал на мягком диване, потом подпрыгнул, упершись руками в сидение, влез на диван с ногами, поджал их под себя, забился в угол, засверкал яростно глазами, сбил рукой волосы на лоб, стал дергать бороду и шептать губами: «Да, мужик! Никчемный мужик, а бываю у царей... А вот пускают, да еще кланяются!» [9, с. 55].

При этом люди как таковые Распутина не интересовали. По свидетельству Белецкого, Григорий смотрел на них «только с точки зрения той пользы, которую он мог извлечь из общения с ними в личных для себя целях» [29, с. 22]. Необходимо уточнить, что главной «пользой» для Распутина являлось возвеличивание всеми доступными способами собственного «Я», а отнюдь не простое накопление материальных ценностей или же реализация некой идейной программы. «Его основным принципом было себялюбие», — отмечает английский посол в России Джордж Бьюкенен [4, с. 158].

Распутин тонко чувствовал ситуацию и, в зависимости от конъюнктуры, мог играть самые разнообразные роли [2, 6–8, 11, 20, 29]. Благодаря исключительному актерскому таланту, Распутину удавалось довольно долго держать «в обаянии» даже тех людей, которые не только не являлись его единомышленниками, но с течением времени оказывались в стане его наиболее ярких и убежденных противников [9, 19].

По признанию бывшего директора Департамента полиции Степана Белецкого, «Гришка-провидец» был «разом и невежественным, и красноречивым, и лицемером, и фанатиком, и святым, и грешником, и аскетом, и бабником, и в каждую минуту — актером» [29, с. 499]. Это был, по словам писателя Евреинова, «крайне талантливый и искусный, несмотря на свою доморощенность, актер-самородок, понимающий не только сценическую ценность броского костюма “мужицкого пророка” (всех этих вышитых рубашек, цвета крем, голубых и малиновых, мягких сапог, поясов с кистями и т. п.), но ценность особой, подобающей “пророку” речи» [7, с. 55].

Осознавал ли сам Распутин себя «лицедеем»? И да и нет. Происходило своего рода слияние изображаемого Распутиным с его сущностью, в то же время продолжала сохраняться неуловимая грань, отделявшая и разграничивавшая внутреннее и внешнее, сущность и изображение. Постоянная игра и смена масок не происходили бессознательно [11, 29].

Манера речи Григория Распутина стоит того, чтобы остановиться на ней особо. Дело в том, что в 1893 году, то есть в момент своего «духовного просветления» Распутин вдруг перестал говорить обыденным языком и начал «изрекать». Обыкновенно это были фразы из Писания, не связанные друг с другом, в которые вкраплялись собственные мысли. «Ни одной фразы он никогда не произносил ясной и понятной. Всегда отсутствовали либо подлежащее, либо сказуемое, либо и то и другое» [2, с. 21].

Был ли Распутин «юродивым» в настоящем смысле этого слова, то есть психически больным? Ответ на этот вопрос может быть только

отрицательным, ибо в тех случаях, когда «сомнамбулическое» поведение Распутина было ему невыгодным, он мог вести интеллектуально полноценный разговор [11, 13]. Касаясь «нарочито нелепого» языка распутинских записок и телеграмм, адресованных царям, известный историк М. Н. Покровский замечает: «Не может быть, чтобы “божий человек” не умел говорить понятно по-своему, по-крестьянски, но и ему, и его поклонникам обыкновенная человеческая речь показалась бы отступлением от ритуала» [23, с. XXVII].

Нарочитая юродивость прежде всего требовалась Распутину для психического воздействия на людей. Сила внушения «старца» была весьма ощутимой [2, 9, 29]. Первые проявления необычайных «экстрасенсорных» талантов Григория относятся к периоду раннего детства, когда он — если верить рассказам матери [34], — являлся деревенским «духовным ветеринаром» и лечил «внушением» заболевшую скотину (после смерти старшего брата эти способности, правда, резко ослабли). Сам Распутин был убежден в наличии у него особого душевного «тока». Нагляднее всего способность Распутина к психическому воздействию (суггестии) на людей видна на примере его лечебной практики [3, 5, 6, 8, 19, 30]. Однако гораздо любопытнее случаи, когда лечебный эффект, по мнению современников Распутина, достигался им на большом расстоянии, без непосредственного контакта с пациентом [6, 9, 22]. Современный уровень научных знаний не позволяет прокомментировать эти свидетельства сколь-нибудь убедительно; можно лишь допустить, что речь идет о случайном совпадении фактов либо их тенденциозном ретроспективном истолковании.

Умение психологически воздействовать на людей сочеталось у Распутина с тончайшей интуицией, позволявшей ему подчас выступать в роли «пророка», причем не только в отношении самого себя (для истероидной личности, постоянно озабоченной собственной персоной, последнее является скорее одним из имманентно присущих атрибутов, а не «чудесным даром»). Так, оказавшись незадолго до революции со своими поклонницами возле Петропавловской крепости, Распутин произнес: «Я вижу много замученных; не отдельных князей, а толпы; я вижу кучи трупов, среди них несколько великих князей и сотни графов. Нева будет красна от крови» [31, с. 62].

Следует особо подчеркнуть, что Распутин (и это также очень характерно для истероидной личности вообще, а истероидной психопатии в особенности) сам себе казался человеком тихим, скромным, робким, неуверенным, отзывчивым, благочестивым [25]. Это, однако, ничуть не мешало Распутину всюду хвастаться и называть

себя «посланцем Божиим» [33]. «Да разве можно зарывать талант в землю? Разве можно?» — возмущался он в ответ на попытки собеседника усомниться в правильности его самооценки и основанных на ней поступков [9, с. 50]. Распутин хвастал перед всеми, кто оказывался поблизости, — односельчанами, знакомыми, случайными встречными, даже перед охранявшими его филерами [2, 8, 9, 26, 30]. Нетрудно заметить, что, даже хвастаясь какими-либо материальными благами, Распутин в первую очередь демонстрировал свою личную значимость, влияние, «обожаемость» со стороны тех, кто дарил ему деньги и ценные предметы. При этом с особой охотой Распутин демонстрировал свою непосредственную власть над царской семьей [8–9].

В отличие от лиц с эпилептоидным радикалом, у Распутина напрочь отсутствовало стремление «насолить», сделать больно кому-либо, в том числе даже обидчику. Протестовал и капризничал Григорий не обязательно в форме гнева, хотя мог делать это довольно шумно и даже устрашающе [6, 8, 9, 33]. Добившись покаяния или извинения, равно как оказавшись в центре внимания благорасположенной по отношению к нему публики, он моментально успокаивался и буквально преображался [6]. Если же Распутин сталкивался с грубым отпором, он либо сразу тушевался, либо его гнев тут же угасал, обнажая глубочайшую растерянность и беспомощный страх [9]. Наиболее же сильную реакцию, включая яркие соматовегетативные проявления, Распутин выявил в ситуации, когда его пытались шантажировать дискредитацией в глазах царя и царицы [20].

Но нигде характер Григория Распутина не проявлялся с такой силой и яркостью, как в алькове. Именно будуарная ипостась Распутина сыграла ключевую роль в его карьере и гибели.

Известно, что типичные истероидные личности отличаются сравнительно невысокими половыми возможностями (эротическая составляющая либидо у них значительно превосходит собственно сексуальную). Детальный анализ сохранившихся свидетельств позволяет констатировать вполне определенно: Григорий Ефимович Распутин не был той «русской любовной машиной», весть о которой разнесли по планете солисты одной из эстрадных групп. В отношении Распутина в общественном и, по инерции, в историческом сознании возникла гигантская аберрация, представляющая его образ и все, что с ним связано, в совершенно искаженном свете. Реальный Григорий Распутин был человеком с резко пониженной сексуальной потенцией, вся модель поведения которого была ориентирована в первую очередь на компенсацию этого недостатка, нетерпимого

для истероидной личности, желающей добиться тотальной любви к себе со стороны всех и вся.

Распутин действительно рвался к завоеванию как можно большего числа женщин, однако сама технология «завоевания» выглядела весьма своеобразно. Собранный на Распутина обширное «сексуальное досье» Илиодор подразделял всех его «жертв» на четыре категории. К первой относились те, кого Распутин только целовал и водил мыться в баню, ко второй — к кому он определенным образом прикасался, к третьей — те, из кого Распутин «изгонял блудного беса», и лишь к четвертой относились те, с кем Распутин, по мнению Илиодора, совершал грех плотского совокупления [9].

Женщин, относящихся к первой категории, Илиодор насчитывает «сотни... а в монастырях женских, куда вообще старец Григорий любил заглядывать, их не перечесть» [9, с. 68]. Представительниц второй и третьей групп (тех, с кем Григорий «радел» или «изгонял блудного беса») также было очень много. Особо следует подчеркнуть, что манипуляции, производимые в этих случаях Григорием с женщинами, Илиодор (подглядевший некоторые «лечебные сеансы») к телесному совокуплению не относит [9]. В этих случаях Распутин ограничивался любовными ласками в весьма широком диапазоне, включая «самые невероятные» (по терминологии Илиодора) их формы. В исключительных по разнообразию форм ласках (петтинг) и крылся секрет тех «особых ощущений», которыми одаривал Распутин своих поклонниц и пациентов. Сам Распутин категорически настаивал на том, что лечит женщин именно «лаской», а не телесным соитием.

Сценарий «сексуальных нападений» Распутина на женщин (в том случае, если речь изначально не шла о «радении» или «изгнании беса») всегда был одним и тем же: словесные домогательства, поцелуи, хаотичные прикосновения к интимным частям женского тела, срывание одежды, а в итоге... холодный «монашеский поцелуй» и призыв к страстной совместной молитве. Практически все из оставших воспоминания «жертв» с удивлением констатируют легкость, с которой Распутин мог в любой момент, особенно если «жертва» начинала сопротивляться, прекратить свое, казалось бы, безудержное наступление и вообще перевести разговор на другую тему [6, 8, 33].

Если обстановка располагала, Распутин заранее подготовлял женщину к необычности форм своей сексуальной экспансии. «Да ты знаешь ли, в чем жизнь-то? В ласке она, а только ласкать-то надо по-иному, не так, как эти ерники-то ваши, понимаешь? Они ласкают

для своого тела, а я вполовину и для духа, великая тут сила... Ну подумай сама: коли я скажу: я им и то и то дать могу, а на деле выйдет ни х... во мне нет. Тогда я и выйду обманщик и плут. Ты думаешь, мало дело — ласка некуплена? Это, думаешь, всем дается? Да друга какая за таку ласку што хошь сделает, понимаешь? Душу всю свою отдаст» [8, с. 271–272].

Зачем же Распутину необходимо было тратить столько энергии на то, чтобы уговорить женщину «отдаться», если он заранее знал, что не в состоянии показать себя полноценным партнером? Думается, здесь играли роль два обстоятельства. Во-первых, при помощи перманентных и никогда не завершающихся половым актом любовных игр Распутину удавалось удерживать в орбите собственного влияния значительное число сексуально экзальтированных и страстно влюбленных в «старца» женщин, в том числе, вероятно, Анну Вырубову. Во-вторых, постоянное обновление сексуальных впечатлений, помимо удовлетворения эротического либидо, частично компенсировало отсутствие полноценного сексуального контакта, служа таким же паллиативом, как, например, разглядывание порнографических картинок. «Любовь глазами» вообще была одним из излюбленных занятий Распутина [9].

Помимо петтинга и разглядывания женщин, своеобразным суррогатом полового удовлетворения выступали также самозабвенный танец [6, 8] и удовольствие от унижения великосветского окружения. Так, при омовении своих ног Распутин любил заставить окружающих его женщин раздеть себя и самим раздеться догола, «дабы в муках голизны своей грешницы сильней чувствовали высшее смирение» [21]. Гордыню Вырубовой Распутин усмирал тем, что привозил к ней в гости проституток, кухарок и посудомоек, заставляя хозяйку прислуживать. Распутин любил по праздникам особо тщательно смазывать сапоги дегтем, «чтобы приходящие с поздравлениями, валяющиеся у его ног элегантные дамы побольше бы испачкали свои шелковые платья» [30, с. 19].

То, что Распутин, несмотря на отмеченные выше особенности, все же не был абсолютным импотентом, подтверждается фактом наличия у него детей (хотя своего первенца Григорий смог произвести на свет лишь на десятый год семейной жизни).

Григорий проповедовал, что ни один человек в мире не может спастись без помощи «старца». По мнению Распутина, старец — высшее, что есть в христианстве. Но женщины слабее мужчин, и поэтому старец им стократ нужнее. При этом старцу отнюдь не возбраняется совокупляться с просветляемыми им женщинами, ибо грех, совершенный

старцем, — не грех, «т. к. душа у меня чиста и все, что во мне есть, чисто» [27]. У Распутина существовали и иные варианты «легитимизации» телесного совокупления [8, 22].

Однако идея оправдания плотского греха была не центральной, а скорее вспомогательной. «Не ради этого греха, который случается со мной редко, хожу я в баню» с женщинами [27]. Центральной же была идея «бесстрастия», реализующаяся в «снятии страстей», изгнании «блудного беса», «унижении женской гордыни» и «очищении женщин от скверны». Своей «бесстрастностью» (то есть гипопотенцией) Распутин в этом случае открыто бравировал. «Мне прикоснуться к женщине, али к чурбану, все равно... И баба, прикоснувшись ко мне, освобождается от блудных страстей» [9, с. 37]. В развитие идеи «исцеления бесстрастием» Распутиным была выдвинута своего рода «концепция» сексуальной гомеопатии, то есть лечения малыми дозами «лекарства», большие дозы которого опасны для человека. Он считал, что должен целовать женщин до тех пор, пока его поцелуи не сделаются противными. «Малый блуд», таким образом, профилактировал блуд большего масштаба. При этом от страстей Распутин предпочитал исцелять в основном молоденьких и хорошеньких женщин [9].

Григорий Распутин «исцелял» также и мужчин. Гомосексуальное начало было растревожено в Распутине еще в молодые годы, когда во время одного из странствий он оказался объектом сексуальной агрессии. Случилось это в монастыре, где несколько ночей подряд его домогались и в итоге чуть не изнасиловали отцы Сергей и Иосиф. «Я не собираюсь участвовать в ваших извращениях!» — патетически воскликнул Григорий и бросился наутек. Так он рассказывал сам [34, с. 70]. Однако в дальнейшем гомосексуальная тенденция получила развитие. «Не только я баб лечу, но и мужиков, — сообщал Распутин Илиодору. — Ты знаешь еп. Иннокентия?.. Страдает он, бедняга, очень от блудных мыслей... Я его лечил. Как только я явлюсь к нему, то он меня кладет с собой в постель под одно одеяло и говорит: “Лежи, лежи, Григорий, со мной, как ты со мною, так у меня нет плотских помышлений”» [9, с. 38]. Примечательно, что рассказ свой Распутин ведет не где-нибудь, а в бане, в которой находятся двое — он сам и красивый молодой монах. Распутин явно ждет реакции. Но Илиодор застенчиво молчит.

В 1912 году Родзянко, представляя императору фотографии, компрометирующие Распутина, пытался недвусмысленно намекнуть: «Вот Распутин, окруженный молодыми девушками, а вот мальчики, он среди них» [28, с. 46].

Активно стремясь к знакомству с известным гомосексуалом князем М. М. Андрониковым и, наконец, впервые оказавшись у него в гостях, Распутин тут же спрашивает: «Где твоя молельня?.. Мне говорили, что у тебя есть молельня» [29, с. 304]. Остается добавить, что под домашним иконостасом, на огромной кровати, кн. Андроников любил прелюбодействовать с молодыми людьми. Поглазеть на эту «голубую молельню» и рвался сексуально озабоченный Распутин.

Судя по всему, сексуальное влечение Распутина к мужчинам было даже более сильным, чем к женщинам. О последних он то и дело отзывался уничижительно, выставляя напоказ свою «бесстрастность» (хотя в то же время тайно пил бадмаевские пилюли, укреплявшие, как он думал, гетеросексуальное влечение). Напротив, когда Распутин повествует о своих парасексуальных контактах с мужчинами, он не употребляет ни единого грубого или пренебрежительного слова, ни разу не упоминает о чувстве неприятия или тем паче отвращения, которые могли бы возникнуть у гетеросексуала. Весьма показательны и то, что единственный человек, отношение Распутина к которому действительно напоминало «слепую влюбленность», был не кто иной, как князь Феликс Юсупов и приведший впоследствии к его гибели.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Аврех А. Я.* Царизм накануне свержения. М., 1989.
2. *Амальрик А.* Распутин. Документальная повесть. *Юсупов Ф.* Конец Распутина. М., 1992.
3. *Бернс Б. Алексей.* Последний царевич / Пер. с англ. СПб., 1993.
4. *Бьюкенен Дж.* Мемуары дипломата / Пер. с англ. М., 1991. 342 с.
5. *Вырубова А.* Страницы из моей жизни // Фрейлина ее величества Анна Вырубова. М., 1993. С. 237–344.
6. *Джанумова Е.* Мои встречи с Григорием Распутиным // Приложение к журналу «Огонек». № 47–49. 1992.
7. *Евреинов Н. Н.* Тайна Распутина. Л., 1924.
8. *Жуковская В. А.* Мои воспоминания о Григории Распутине (1914–1916 гг.) // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах. XVIII–XX вв. Т. II–III. М., 1992. С. 252–317.
9. *Илиодор (Сергей Труфанов).* «Святой чёрт» (Записки о Распутине). Изд. 2-е. М., 1917.
10. Книга исторических сенсаций. «Черные скрижали». «Последний временщик последнего царя». Григорий Распутин по материалам чрезвычайной следственной комиссии временного правительства. М., 1993. С. 97–106.
11. *Коковцов В. Н.* Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. Кн. 2. М., 1992.

12. Кризис самодержавия в России. 1895–1917. Л., 1984. 664 с.
13. Курлов П. Г. Гибель императорской России. М., 1992.
14. Личко А. Е. Истерики, рвущиеся к власти (Александр Керенский и Георгий Гапон) // Обозрение психиатрии и медицинской психологии им. В. М. Бехтерева. 1991. № 1. С. 130–142.
15. Личко А. Е. О четырех основах паранойяльной психопатии и паранойяльного развития личности на примере исторических личностей. Иван Грозный как пример паранойяльного развития на почве эпилептоидной акцентуации характера // Обозрение психиатрии и медицинской психологии им. В. М. Бехтерева. 1992. № 1. С. 115–129.
16. Личко А. Е. О четырех основах паранойяльной психопатии и паранойяльного развития личности на примере исторических личностей. Сталин (Джугашвили) как пример паранойяльного развития на почве шизоидной акцентуации характера // Обозрение психиатрии и медицинской психологии им. В. М. Бехтерева. 1992. № 3. С. 118–138.
17. Личко А. Е. О четырех основах паранойяльной психопатии и паранойяльного развития личности на примере исторических личностей. А. Гитлер (Шикльгрубер) как пример паранойяльного развития на почве истерической психопатии // Обозрение психиатрии и медицинской психологии им. В. М. Бехтерева. 1992. № 3. С. 76–102.
18. Мэсси Р. Николай и Александра / Пер. с англ. М., 1992. 447 с.
19. Николай Второй. Воспоминания. Дневники. СПб., 1994. 560 с.
20. Никольский Б. (Борис Никольский и Григорий Распутин) // Красный архив. Исторический журнал № 1 (68). М., 1935. С. 157–161.
21. Новое время. И. М-в. «У Григория Распутина». 1912. № 1290.
22. Палеолог М. Распутин. Воспоминания / Пер. с франц. М., 1923. 120 с.
23. Переписка Николая и Александры Романовых. М.; Л., 1923. Т. 1. Предисловие.
24. Пругавин А. Старец Григорий Распутин и его поклонницы. Самара, 1993. 64 с.
25. Распутин Г. Е. Житие опытного странника (май 1907 г.). 16 с.
26. Распутин в освещении «охранки» // Красный архив. Исторический журнал. Т. 5. М., 1924. С. 70–288.
27. Речь, 1910 г., 30 июня.
28. Родзянко М. В. Крушение империи. Харьков, 1990. 264 с.
29. Святой черт. Тайна Григория Распутина. Воспоминания. Документы. Материалы следственной комиссии. М., 1991. 320 с.
30. Симанович А. Распутин и евреи. Воспоминания личного секретаря Григория Распутина. Рига, 1991. 170 с.
31. Фалеев В. Григорий Распутин без грима и дорисовок // Чудеса и приключения. 1991. № 1. С. 58–63.
32. Шульгин В. Годы. Дни. 1920. М., 1990. 832 с.
33. Я встречалась с Григорием Распутиным. М., 1993. 56 с.
34. Rasputin: The Man behind the Myth. A personal Memoir by Maria Rasputin & Patte Barham. W. H. Allen. London.